

Дорогие читатели!

Любое мнение, высказанное в данном произведении любым из героев, не претендует на то, чтобы быть истиной в последней инстанции. Также просим учитывать тот факт, что обе описываемые страны — очень большие и быт, традиции, предпочтения жителей (и даже описываемые товары в магазинах) могут отличаться в зависимости от регионов и обозначенных географических областей.

Плейлист

Ellie Goulding, Juice WRLD – Hate Me
КИНО – Музыка волн
Taylor Swift – I Knew You Were Trouble
КИНО – Дождь для нас
Charlie Puth – Light Switch
КИНО – Звезды останутся здесь
John Newman – Come And Get It
Элджей, FEDUK – Розовое вино
GAYLE – abcdefu
Bad Balance – Светлая музыка
Harry Styles – Watermelon Sugar
MOT – Август – это ты
P!nk, Willow Sage Hart – Cover Me In Sunshine
Nautilus Pompilius – Дыхание
Lana Del Rey – Young And Beautiful
(Kevin Blanc Remix)
Крес – Мотивы
The Weeknd – Take My Breath
Bad Balance – Страсть

— Если хочешь, я не поеду. — Слава нетерпеливо переминается с ноги на ногу.

Последние полгода я только и слышала о том, как он мечтает поехать в Калифорнию. Жить в американской семье, ходить в колледж, подтянуть язык, изучить традиции, быт... Какое уж тут «не поеду».

— Что ты... — умело уворачиваюсь от поцелуя.

Папа смотрит на нас ястребом и привычно хмурит брови. Мы со Славой встречаемся почти год, но это не такой приличный срок, чтобы можно было безнаказанно целовать его дочь у него на глазах.

— Я очень хочу, чтобы ты поехал, — киваю, заглядывая Славе в глаза, и крепче сжимаю его руки. — Правда-правда. Просто немного взгрустнулось. Мы же... расстанемся.

— Малыш, — он поправляет сумку на плече и обнимает меня, — не забывай: видеозвонки, голосовые сообщения и электронные письма. Каждый вечер. Да?

Послушно киваю и стараюсь улыбнуться.

— К тому же с тобой будет Челси! — продолжает Слава и целует меня в нос.

Вот об этом я и беспокоюсь. Как привыкшая к достатку и роскоши американская студентка будет выживать в заурядном российском городке, в небольшом доме с минимумом удобств да еще и в одной комнате со мной?

— Всё! Хватит лобызаний! — Мой брат врывается в пространство между нами, беспощадно разрушая интимный момент.

Он светится, улыбка тянется от уха до уха. Еще бы, Стёпа — настоящий везунчик. Ему предстоит прожить ближайшие полгода в Сан-Диего, на берегу Тихого океана, в шикарном особняке, принадлежащем семье моей подруги по переписке — Челси Реннер.

— Люблю тебя, — шепчет мне Слава.

Ему повезло чуть меньше — остановиться придется в доме Розы и Хуана Мартинез, американской пары мексиканского происхождения со средним достатком, любезно согласившихся приютить студента по обмену из России.

— И я, — отвечаю тихо, чтобы папа не услышал.

Ему очень трудно смириться с мыслью, что его крошка Зоя встречается с «патлатым переростком».

— Уже скучаю. — Все-таки запечатлев над моей верхней губой короткий поцелуй, Слава делает шаг назад.

Стискиваю его пальцы и неохотно отпускаю. Брат красноречиво косится на нас, на отца, затем морщит лицо и толкает Славу в плечо:

— Давай, Славян, шевели окорочками.

Он буквально оттаскивает парня от меня и тащит за собой в зону вылета.

— Я тоже уже скучаю... — бросаю на прощание, робко махнув рукой.

Мама подходит сзади и обнимает меня:

— Зайка, не грусти, — прижимается и больно давит подбородком в плечо, — сейчас встретим Челси и поедem домой. Вам вдвоем будет очень весело, вот увидишь. — Она старательно выделяет слово «очень», и это начинает беспокоить меня еще сильнее. Мамино желание понравиться американской гостье пугает.

«Хэллоу, май нэйм из Людмила, — с улыбкой во все тридцать два зуба повторяет она, пока мы второ-

- Любовь по обмену -

ем медленно движемся к зоне прилета. — Вэлкам ту Раша!»

Таланта к языкам у нее примерно столько же, сколько у нашего министра спорта. Может, даже чуть меньше, поэтому маман обзавелась новым планшетом, на который Стёпа установил онлайн-переводчик.

— Нужно было написать табличку с именем Челси, — спохватываюсь я, — чтобы было видно издалека. Так все нормальные люди делают.

— Не переживай, — успокаивает меня отец, от которого за версту несет одеколоном. К встрече с гостьей он тоже готовился основательно: причесался, надел новый свитер, погладил брюки. — Вы же договорились, что ты будешь в красной водолазке. Тем более вы видели друг друга на фото и даже пару раз в «Скайпе».

— Угу, — мычу я, чтобы не разреветься.

Перед глазами по-прежнему стоит Слава. Вот он закидывает сумку на плечо, машет на прощание и торопливо удаляется по коридору. И брат с ним. Если бы не приезд Челси, я бы окончательно расклеилась.

«Вэлкам ту Раша», — повторяет мама снова и снова.

Мы дружно топчемся на месте, разглядываем людей в толпе, сверяем часы. Так проходит час, затем второй. Папа жутко нервничает, мама зачем-то продолжает разминать губы своим «хэллоу», а я пытаюсь понять, в каком месте ошиблась. Не тот рейс? Час, день? Почему она не прилетела? А если прилетела, почему мы не видели ее?

— Зайка, позвони в деканат, — просит мама, когда мы уныло плетемся к машине в вечерних сентябрьских сумерках, — пусть они выяснят, что произошло.

— Я забыла телефон дома, прости. Как только доберемся, позвоню и отправлю Челси сообщение.

— Может, девчонка передумала? — ворчит отец, забираясь в автомобиль. — Зачем гонять людей в аэропорт, если решила не лететь? Трудно было предупредить?

— Я не знаю, пап, — бормочу, устраиваясь на заднем сиденье.

— Трудно было созвониться утром? — продолжает он, заводя мотор.

Но я уже не слышу. Пристегнувшись, откидываю голову назад и люблюсь медовым золотом, которым налилась листва на деревьях.

— Вэлком ту Раша, — как-то уже безрадостно шепчет себе под нос мама. Отец качает головой и включает радио.

Всю дорогу мы молчим, стараясь не смотреть друг на друга. Я уже скучаю по Славе и брату, и в тот же момент чувствую облегчение — Челси не придет, а значит, не придется нарушать привычное течение жизни, чтобы показать пресловутое русское гостеприимство.

— А это еще кто? — спрашивает папа, притормаживая у подъездной дорожки.

Подскакиваю, пытаюсь вытянуть шею, чтобы увидеть, о ком он говорит, но замечаю лишь темную фигуру на крыльце. Машина сворачивает во двор, останавливается возле гаражных ворот, двигатель глохнет. Отстегиваю ремень, выпрыгиваю наружу и застываю от неожиданности.

На ступенях сидит незнакомый парень. В протертых джинсах и тонкой футболке, несмотря на прохладный вечер. Ткань черного цвета с трудом скрывает проступающие под ней стальные мышцы. Судя по всему, он очень высокий — ноги длиннющие, размер кроссовок не меньше сорок четвертого. Волосы, темные, только на кончиках выгоревшие почти до соломенного цвета, растрепаны. Губы пухлые, в зубах сигарета, в ушах — наушники. Он сидит в расслабленной позе, облокотившись на большую спортивную сумку, затягивается, выпускает дым, а затем... стряхивает пепел в стоящий рядом горшок с мамиными петуниями.

- Любовь по обмену -

Мама вылезает из машины и хватается за сердце, папа демонстративно хмыкает и быстрым шагом направляется к незнакомцу. Я стою на месте и не могу оторвать взгляд от его синих глаз, сумасшедше ярких, с застывшим в них оттенком злости и пренебрежения.

— Вы кто? — громко спрашивает отец, подойдя к крыльцу.

Парень не спешит вставать. Он оглядывается по сторонам и, не увидев урны, тушит окурочок в горшке. Затем достает из кармана листок и протягивает папе.

— Здесь... наш адрес, — недовольно говорит отец, когда мы с мамой подходим.

Парень сверлит меня холодным взглядом и медленно поднимается. У меня перехватывает дыхание — он выше меня почти на голову.

— Джастин, — представляется незнакомец, смерив меня небрежным взглядом, в котором отчетливо читается, что я — пустое место. Затем смотрит на моего папу и протягивает руку: — Джастин Реннер. — Голос низкий и теплый, с мягким южным калифорнийским акцентом.

Отец растерянно жмет протянутую ладонь, затем передает мне листок бумаги. Пытаюсь взглянуть, но буквы скачут перед глазами. Кажется, там действительно написан наш адрес.

Джастин... Джастин Реннер? Голова начинает кружиться. Челси пару раз говорила, что у нее есть брат. Но почему здесь он?

— Джастин? — Мама выглядит очень беспомощной и растерянной. — Вэлкам ту Раша... — жмет руку незнакомца. Ее маленькая ладонь тонет в огромной лапище.

— Челси не смогла приехать, вместо нее — я. — Он закидывает сумку на плечо, прячет руки в карманы узких джинсов и хмурится.

Парень вроде как и сам не рад, что оказался здесь. Мама с папой переглядываются и молчат.

- Лена Сокол -

— Они что, не понимают меня? — спрашивает парень, приподнимая бровь.

— Нет, — отвечаю я, — то есть... Но... — опасливо поднимаю на него взгляд.

— Окей, ну, объясни им тогда по-быстренькому. — Он кивает головой и тут же напускает на себя скучающий вид. — Как там тебя?

— Зоя, — выдыхаю, чувствуя себя кроликом перед удавом.

— Зоуи? — явно насмехаясь, переспрашивает он.

— Нет. Зо-я.

— Ага. Ясно. — Он хитро щурится и еще раз произносит: — Объясни им, Зо-у-и.

Джастин

«Первосортный засранец и третьесортный спортсмен!» — эти слова Челси всплывают в памяти всякий раз, стоит только вспомнить, в какой жопе по ее вине я оказался. Если бы сестра не сдала меня предкам, хрен бы очутился в этой дыре.

Убогая страна, угрюмые люди, холодина жуткая. Как они вообще здесь выживают?

Немая сцена затягивается.

— Э... эм... ну... — Девчонка явно не слишком умна, долго собирается с мыслями и выглядит обескураженной.

— Я смотрю, ты мастер поддержать разговор? — сочувственно гляжу на нее, затем на часы. — У меня не так много времени, и я ужасно устал после перелета. Давай без лишних бла-бла, скажи своим предкам, пусть покажут мне место, где можно перекантоваться, пока меня не выпрут обратно в Штаты. Окей?

— Я... — Эта Зоуи краснеет, как перезрелый томат, явно собирается выдать что-то на английском со сво-

- Любовь по обмену -

им забавным акцентом. — Я не очень хорошо поняла, что ты сказал... — блеет она, заламывая пальцы. — Не мог бы... ты... говорить помедленнее?

Фэйс палм. Попал так попал...

Ее родители смотрят на меня, как на инопланетянина, неизвестно зачем решившего почтить своим присутствием их жилище, а она и двух слов связать не может.

— Окей, — говорю, наклоняясь к этой малявке, разжевываю по слогам: — Я буду у вас жить. Обрадуй родителей. По-нят-но?

— Ан-дэс-тэнд, — сквозь зубы, явно обидевшись, рычит она, поворачивается к предкам и долго что-то объясняет на фирменно русском — грубоватом, холодном и жестком языке.

Все сказанное звучит, будто повторенное многократно «Сталин-Путин-Гор-ба-чев», но мне почему-то нравится наблюдать в этот момент за ее губами. Они мягкие, розовые, пухлые и так красиво складываются трубочкой, когда она раз за разом повторяет какое-то «Оп». Что бы значило это слово? Даже интересно, надо будет посмотреть в словаре.

Поймав себя на этой мысли, трясу головой. Единственная моя задача — сделать все, чтобы в максимально короткие сроки свалить отсюда.

Наконец родители девчонки кивают головой, еще раз жмут мне руки и, очевидно, представляются. Вряд ли я когда-нибудь смогу повторить их имена, даже если очень постараюсь. Для меня все сказанное сливается в один большой хаос, от которого плаваются мозги.

Они натужно улыбаются и затем приглашают меня в свое жилище. Двухэтажный домишко квадратов на сто пятьдесят изнутри оказывается вполне пригодным для жизни, светлым и даже уютным. Как если бы меня заселили в семейный придорожный мотель экономкласса.

Папаша сразу бежит к телефону, а мамаша останавливает меня в коридоре, пытаюсь что-то объяснить. Видимо, женщине чем-то не угодили мои кроссовки. Она тычет в них пальцем и жестаи разыгрывает какую-то пантомимическую сценку.

— Пожалуйста, — тихо просит Зоуи за моей спиной, — сними обувь.

— Это еще зачем? — спрашиваю.

— У нас так принято.

Оборачиваюсь и опаляю ее злым взглядом.

— Ни за что!

Девчонка поджимает губы, явно что-то обдумывает, затем смотрит на мать и что-то быстро говорит. Та кажется вполне удовлетворенной ее словами и отходит, пропуская меня в гостиную. Бросаю с размаху сумку на пол, падаю на диван и оглядываю обстановку: стол, два кресла, телевизор на стене. Комната совмещена с кухней, где они, очевидно, обедают. М-да...

— Что ты сказала ей? — спрашиваю у Зоуи, которая продолжает вздрагивать при звуке моего голоса.

Ее огромные голубые глазищи хитро сужаются.

— Сказала, что ты переживаешь... — она снова старательно подбирает слова и аккуратно складывает их в предложения, — что запах твоих носков... напугает ее, — набирает в грудь больше воздуха и гордо вздергивает носик. — И что ты обещаешь ей потом вымыть пол.

Мое лицо вытягивается от удивления. Что ж, девчонка не так проста, как кажется. Эта кроха с характером, а значит, вдвойне приятнее будет утереть ей нос.

— Черт, — бормочу, замечая, что кроссовки и правда оставили на полу грязные следы.

И где я успел так вляпаться?

Хозяйка дома скидывает плащ, продолжает что-то суетливо говорить дочери, хватая швабру и лихо протирает за мной пол. Ее муж меряет шагами кухню, громко общаясь с кем-то по телефону. Мы с Зоуи

- Любовь по обмену -

играем в гляделки: я, развалившись на диване, бесцеремонно разглядываю ее щуплую фигурку, она, видя это, вспыхивает еще сильнее. Кожа на ее лице и шее становится почти того же цвета, что и шерстяная водолазка.

— Ты... — наконец она решается снова заговорить, — ты же... должен хоть немного понимать по-русски, разве нет?

Я? Вот такого уж точно не было в моих мечтах.

— Нет, — морщусь.

— Но... — Теперь Зоуи опять похожа на перепуганного олененка Бэмби. Выглядит это забавно и нравится мне все больше. Она задумчиво смотрит на мои кроссовки, покусывая губу.

— Что?

— Ведь таковы условия программы обмена... — Хлопая длинными ресницами, она запинаясь и косится на родителей. — Изучать язык, быт, традиции, хорошо учиться в университете принимающей стороны.

— Нет, — усмехаюсь, — этого я делать точно не собираюсь.

Женщина со шваброй уже возле меня. Смущенно улыбается и жестом просит поднять ноги, чтобы она могла протереть под ними.

Господи, да проще было снять эти чертовы кроссовки! Сумасшедший дом...

— Но... ведь, если ты не будешь всего этого делать, тебя исключат из программы и отправят домой, — бормочет Зоуи, тербя тонкий золотой браслет на запястье.

Встаю, иду к двери, снимаю обувь и возвращаюсь в гостиную в одних носках.

— Детка, в этом-то и вся фишка. — Недобро улыбаюсь, подмигиваю и перевожу взгляд на наручные часы.

Дома раннее утро. Эта долбаная разница во времени ужасно меня напрягает.

Зоя

— Джастин! — радостно вопит мама, распахивая объятия к этому неандертальцу. — Ты снял кроссовки!

Похоже, он сразу догадывается, чему она так рада. И немудрено: мама проговаривает слова отчетливо, артикулирует и жестикулирует так отчаянно, будто пытается обучить шимпанзе членораздельной речи.

— Йес, мэ, — кивает Джастин, сторонясь ее.

— Мам, он тебя не понимает, — бросаю с досады. — Совсем. Даже чуть-чуть.

И тут же спотыкаюсь о его огромную сумку, лежащую на полу. Лечу вперед с вытянутыми руками и еле удерживаю равновесие, остановившись всего в метре от гостя-иностранца. Парень протягивает свою огромную ручищу, чтобы помочь, но я лучше схвачусь за гремучую змею, чем за его руку. Стискиваю зубы и поджимаю ушибленные пальцы ноги.

У него что там внутри, кирпичи?

— Правда? Ничего не понимает? — Мама совсем не кажется расстроенной и продолжает с улыбкой: — Он кажется мне ужасно невоспитанным. Не знаю, что мы будем с этим делать.

Ей явно доставляет удовольствие возможность говорить про человека, когда тот находится рядом и ничего не понимает.

— Осторожнее. — Джастин многозначительно поднимает брови. Между нами все еще меньше метра, он наклоняется ко мне: — Ты слишком спешишь в мои объятия, детка.

— Что? — бормочу на русском, опешив от такой наглости.

Как сказать по-английски «вот еще» или «больно надо»?!

Так и не вспомнив, возмущенно надуваю губы и отворачиваюсь.

- Любовь по обмену -

— Думаю, это всего лишь досадное недоразумение и скоро его отправят обратно. — Срываюсь с места и иду на кухню к единственному человеку, который может помочь нам во всем разобраться. — Этот парень не просто не воспитан, он самая настоящая самовлюбленная задница!

В эту секунду отец как раз заканчивает говорить по телефону и поворачивается ко мне. Я вижу мечтательное, довольное выражение, застывшее на его лице: глаза хитро блестят, уголки губ расходятся в улыбке.

— Зайка, почему ты не сказала мне, что отец Челси — известный бейсболист?

Борясь с желанием разбить что-то из посуды, останавливаюсь у обеденного стола.

— А это имеет какое-то значение?

— Да... — Папа бросает заинтересованный взгляд в сторону гостиной. — Очень большое значение...

— И что изменит факт того, что этот хам из богатой семьи?

Он кладет руку мне на плечо и несколько раз хлопывает:

— А то, что мы покажем этому иностранцу всю мощь русского гостеприимства и сделаем так, чтобы он смог быстро освоиться. — Папа ласково касается подушечкой указательного пальца кончика моего носа. Будто бы мне пять лет, а не восемнадцать. Что за детский сад? — А ты поможешь ему с учебой. Поняла?

У меня дар речи пропал. Помогать ему? Чего ради?!

— Но почему? — только и смогла выдавить, косясь на чужестранца, презрительно морщившего нос на обстановку нашего дома.

— Потому что отец Джастина щедро оплатит наше терпение.

— Но он ведь не собирается учиться! — Я сама не заметила, как повысила голос. — Этот Джастин собирается сделать все, чтобы быстрее уехать назад! Его вышвырнут, и я не смогу поехать в следующем году в Штаты. Мне просто не позволят, потому что я «не оказала теплый прием и не создала должных условий» студенту по обмену!

— Значит, мы сделаем все, чтобы он остался здесь на ближайšie полгода. — Папа потирает ладони, натягивает на лицо широкую улыбку и следует в гостиную.

— Ради чего? Ради денег? И сколько он тебе пообещал?

Но мой протест для отца ничего не значит, когда впереди маячит возможность покрыть все наши долги.

— Сынок, — он подходит к Джастину и указывает на лестницу, — пойдём посмотрим твою комнату!

— Не трудись, — ворчу, тяжело вздохнув, — он не понимает ни шиша.

Приближаюсь к гостю:

— Бери свои вещи, — и киваю наверх, — твоя комната там.

Я злюсь. На папу, на американца, на себя и на безвыходность всей ситуации, поэтому стараюсь не смотреть в сторону Джастина. К тому же заранее знаю, что увижу в его глазах — безграничное чувство собственного превосходства.

Поднимаюсь по лестнице первой, а когда наконец оборачиваюсь, вижу все ту же самодовольную ухмылочку на его лице.

Вот же наглец!

Отворачиваюсь и ускоряю шаг.

— Мы ведь не можем поселить его в комнате с нашей дочерью? — беспокоится мама.

— Конечно же нет, Люда! — отвечает папа. Его голос как растопленный мед. Я не вижу лица, но знаю,

- Любовь по обмену -

что он продолжает «гостеприимно» улыбаться. — Папан поживет в комнате Степана.

— Да, — мне не удается сдержаться, чтобы не связывать, — пусть разнесет там все к чертям. — Поворачиваю по коридору и толкаю дверь в комнату брата. — И не забудь поставить ему пепельницу, а то все горшки с цветами загадит! А нам выдай противогазы!

— Не переживай, дочь. — Папа проходит мимо меня и радостно указывает гостю на комнату. — Сделаем из него человека. И не таких перевоспитывали. — Заметив, что парень замешкался, показывает рукой: — Ну, входи, входи. Вэлкам! Правда, здесь всего одно окно и нет отдельной ванной комнаты, зато имеется неплохой компьютер и вид на улицу. Тебе будет не скучно. — Цыкает на меня: — Переводи, переводи!

Медленно поворачиваюсь к Джастину и устало произношу:

— Папа говорит, что мы хотели поселить тебя в сарае, но, к сожалению, у нас его нет. — Взмахиваю рукой: — Поэтому — вот.

— Будь как дома! — подсказывает папа, улыбаясь.

— Курить в доме строго запрещено, — перевожу я.

— Проходи, сынок, — снова папа.

— Отбой в одиннадцать. — Я.

— Смелее. — Он.

— Шевели ногами! — Я.

Смерив нас по очереди недоверчивым взглядом, парень входит в комнату.

Боже, как же мне нравится наблюдать за его реакцией. В ней все: обреченность, мольба, трагедия, ужас.

Да, милый, придется несладко. Это тебе не роскошный папенькин особнячок у моря с прислугой, кинотеатром, тренажеркой и бассейном. Это комната моего разгильдяя-брата.

Это Россия, детка!

Джастин

Непостижимо.

Еще вчера единственной моей неприятностью было нежелание отца слушать и слышать меня, сегодня — вот это все. Темная комнатка размером с гардеробную, низкие потолки, узкая кровать, стол со старым компьютером и деревянный стул. А за окном — осенняя хмарь и десятки разношерстных домов, выстроившихся вдоль кривой серой улочки.

Смотрю и не верю своим глазам. Как живут все эти люди? Неужели им приятно смотреть в окна? Все такое... разное. Почему никто не контролирует внешний вид строений?

Соседский дом, виднеющийся из-за забора, похож на мини-амбар. Деревянный, маленький, всего два окна. Следующий — натуральный скворечник, этажа в три. Дальше по улице — ассорти из каменных замков с коваными заборами и маленьких домов-клетушек, стоящих друг на друге. А это что? Во дворе какие-то земляные холмики. Они что, выращивают... овощи?

Самое интересное, что у одних все кажется ужасно неухоженным, а у других — картинно роскошным. Дома такого не увидишь: каждый район выдержан в своем собственном стиле. Все мелочи оговорены заранее, начиная от высоты, цветовой гаммы и материалов, используемых в строительстве специально нанятой фирмой, и заканчивая высотой и формой газона перед домом. Проложили тебе пешеходную дорожку перед домом — получаешь счет на оплату, провели освещение, поставили почтовый ящик — то же самое. Порядок, демократия.

А тут что? Мрак. Неудивительно, что в этой стране никто почти никогда не улыбается. Кроме родителей Зоуи, которые все еще старательно делают вид, что ужасно рады меня видеть.

- Любовь по обмену -

Достаю телефон, щелкаю серый пейзаж за окном и отправляю в «Инстаграм», поставив геолокацию. Пусть это будет ответом на десятки пропущенных звонков, сообщений в «Ватсапп» и «Твиттер». У меня нет ни сил, ни желания общаться с кем-то из парней.

Я зол. Ужасно зол.

Оборачиваюсь.

Родители Зоуи все еще здесь. Стоят на пороге комнаты, улыбаются. Отец поглаживает тыльной стороной ладони гладко выбритую щеку, мать нервно тербит край сиреневой кофточки. Забавные. Он — высокий, подтянутый для своего возраста, светловолосый, она — худенькая брюнетка, ростом ему до плеча. Надо будет спросить у девчонки, как их все-таки зовут. Хотя незачем. Я не собираюсь здесь задерживаться, ведь так?

Они что-то говорят, указывают на мой багаж. Хмурюсь, пытаюсь понять, что же именно. Кажется, это что-то вроде «располагайся» или «будь как дома». Кажется.

Пожав плечами, склоняюсь над сумкой, лежащей на кровати. Открываю замок, достаю оттуда скейт. Предки Зоуи тихо перешептываются. Ее мама не верит своим глазам, подходит ближе и заглядывает внутрь.

На дне сумки остаются лежать четыре одинаковых черных футболки, три белых, кепка, две кофты и джинсы. Еще где-то в боковом кармане должно быть нижнее белье. А, вот и самое главное — наушники. Достаю их, надеваю, подключаю к телефону и врубаю музыку громче.

Мама Зоуи о чем-то переговаривается с мужем, указывает на мои вещи, картинно хватается за сердце. А я ложусь на постель и закрываю глаза. В этой стране, видимо, никто не знает о «личном пространстве». Может, хоть так догадаются. Вскоре фоновые звуки стихают, кажется, ушли.

А я все лежу и пытаюсь понять, что такого могла найти здесь Челси. Почему изучала этот странный, немелодичный язык, вечерами изводя всех своим р-р-рычанием на русский манер. Зачем обкладывалась учебниками истории, разговорниками, постоянно гуглила что-то, пытаюсь узнать как можно больше. Почему рвалась сюда и почему так радовалась, когда ей звонила эта угловатая невзрачная девчонка с прозрачными, как океан, голубыми глазами.

Черт. Океан. Как же мне не хватает тихого шелеста волн, соленого воздуха и горячего золотистого солнца, обжигающего кожу.

— Эй, — чья-то рука мягко ложится на мое плечо, — эй.

Меня мягко укачивает, засасывая в сон, но эти прикосновения становятся все настойчивее и жестче. Наконец вылетевший из уха наушник заставляет открыть глаза.

— Что? — хватаю непрошеную гостью за запястье, прищуриваюсь, смотрю злобно.

И Зоуи, склонившись надо мной, снова забавно вспыхивает. Ее зрачки расширяются, по лицу разливается густой румянец.

— Тебя ждут внизу! — вырывает руку. — Ужин... в честь твоего приезда.

Девчонка не собирается ждать моего ответа. Роняет наушник мне на грудь, выпрямляется и, тяжело вздохнув, выходит из комнаты. Ее уже нет, но я продолжаю чувствовать исходивший от нее аромат. Корица, ваниль, свежая выпечка... Почти физически ощущаю, как кончики ее волос все еще касаются моей шеи. Закрываю глаза, усмехаюсь и вдруг чувствую, как в джинсах поднимается самое настоящее восстание.

Неплохая реакция. Даже немного необычная. Давненько со мной такого не было. Вроде девчонка как девчонка, ничего особенного, а у меня от одного за-

- Любовь по обмену -

паха ее волос по стойке «смирно». Сажусь на кровати, сдергиваю наушник и прикусываю щеку изнутри. Возбуждение настолько сильное, что срочно хочется залезть под ледяной душ.

Встаю и начинаю ходить из угла в угол, пытаюсь укротить свою природу. Стараюсь думать только о том, как выбраться из этой ловушки. Едва ураган внутри успокаивается, первая же мысль о Зоуи и ее милым испуганным личике, мягких округлостях, обтянутых водолазкой, и упругой попке вновь возвращает его в боеготовность.

Еще раз оглядываю комнату. Какое же все унылое. Понятно, почему они к нам все ломятся. Но Челси... девушка из приличной семьи с хорошим достатком, получающая образование в престижном университете. Что? Что могло ее здесь заинтересовать?

Беру с тумбочки фотографию в рамке. На ней смеющаяся Зоуи обнимается с каким-то темноволосым парнем. Они похожи. Видимо, это ее брат. На девушке легкое белое платье, подчеркивающее точеную талию, светлые волосы, рассыпанные по плечам, слегка вздернутый носик и все тот же яркий румянец. Улыбается во все тридцать два, кажется счастливой и довольной. Аккуратная такая, маленькая, как фарфоровая куколка.

Провожу по фотографии пальцем. Эмоции на ней такие настоящие, что кажется, картинка вот-вот оживет. Мы с Челси так не обнимались уже, наверное, лет сто. Наши отношения дали трещину сразу после окончания школы, точнее, в тот момент, «когда ты стал таким мудаком, Джастин».

Улыбаюсь, вспоминая наши с ней перепалки. В первый раз мне становится по-настоящему стыдно. Каким бы диким здесь все ни казалось — это была *ее мечта*. Побывать в России, посмотреть на местный быт, людей. Никогда не видел, чтобы она желала чего-то так

страстно. Называла свое будущее путешествие «настоящим приключением». А я ее этого лишил. Придуток. Когда я наконец спускаюсь вниз, меня встречает аромат горячей еды. Прохожу на кухню. Зоуи, ее мама и папа сидят за столом, заставленным блюдами с разнообразной едой. При виде меня все трое как по команде натягивают на лица улыбки.

Вру. Не все. Зоуи бросает взгляд на часы и устало закатывает глаза. Ее явно напрягает мое присутствие.

Ну что ж. Придется немножко потерпеть, крошка.

— Что тут у нас? — спрашиваю громко и сажусь на свободный стул.

Потираю ладони.

— Руки помыл? — ехидно спрашивает девчонка и кивает в сторону раковины.

Ее губ касается легкая ухмылочка.

-2-

Зоя

Джастин не переоделся. Его бицепсы все так же плавно перекачиваются под футболкой, пока он моет руки. А может, и переоделся. Кто его знает? Мама сказала, что парень додумался приехать в холодную Россию без теплой одежды, зато зачем-то притащил с собой скейтборд. Где он собирается на нем кататься? На первой же выбоине упадет и сломает свой надменный, высоко задранный нос.

Одинаковые футболки, одинаковые пары джинсов — ну, это многое объясняет. Я недоумевала, отчего Челси в каждом видеочате предстает передо мной в одной и той же одежде. Вроде не из бедной семьи.

- Любовь по обмену -

Оказывается, все гораздо прозаичнее: американцы просто берут понравившиеся вещи оптом.

Вообще, в этом смысле им повезло больше, чем нам. Особенно южанам. Пока мы покупаемся весенней, летней, зимней одеждой, обувью на каждый сезон и на любые капризы погоды, они имеют возможность тратить эти же деньги на что-то более полезное. Еще и на отдых остается. Интересно, а как этот умник запоет, когда у нас похолодает? Или когда выпадет первый снег?

Хотя... он же собирается быстрее свалить. Вот и пусть валит. Скатертью дорожка!

— Джастин. — Мама опять подскакивает. Ей не терпится увидеть его реакцию на угощения, над которыми она колдовала все утро. — Рашн фуд. Я старалась.

Мне ее жаль. Разве этот хлыщ способен оценить ее труды?

— Садись, сынок, — улыбается папа. После разговора с руководством университета он так и сияет. А уж мне ли не знать, с каким бы удовольствием он свернул в бараний рог этого любителя подымить. В детстве и даже в юности Стёпе частенько попадало за это ремнем. — Угощайся.

Кстати, странно... Челси вроде говорила, что в Америке редко встретишь курильщиков. Это занятие считается пагубным, и «только идиоты могут добровольно портить свое здоровье». М-да. А еще она упоминала, что ее брат — спортсмен. Какой же он спортсмен, если дымит как паровоз?

— Челси сама выбрала блюда для своего первого русского ужина, — сообщаю я, когда Джастин, сев за стол, начинает сканировать недоверчивым взглядом содержимое тарелок. Он испуганно сглатывает и даже слегка морщится, увидев «сельдь под шубой». — Жаль, что она так и не попробует. Для нас, русских, соби-

раться за столом всей семьей — хорошая традиция. Мы общаемся и делимся новостями. Это называется «за-сто-лье».

Папа довольно кивает и выжидающе поглядывает на гостя. Всем своим видом он говорит: «Только попробуй не попробуй».

Мама снова подсказывает:

— Начнем с горячих блюд? — Наливает из пузатой кастрюльки половником в глубокую тарелку борщ с зеленью и кладет в него щедрую ложку сметаны. Ставит перед Джастином. — БорЩ, — улыбается она.

На лице мамы застывает почти детский восторг. На лице парня — настоящий ужас. Папа двигает к нему ложку и тарелку с хлебом.

— Bortsch... — лепечет американец.

Я вижу, как у него перед глазами проносится вся жизнь. Но три пары глаз, уставившихся на него, не оставляют выбора. Видимо, парень все-таки знаком с хорошими манерами, потому что, не смея отказаться, посомневавшись еще пару секунд, он берет ложку и зачерпывает немного супа.

— Горячий, жидкий салат... из свеклы? — спрашивает Джастин, косясь в мою сторону.

Но все ждут, когда он попробует.

— Суп, — ехидно улыбаюсь я.

— Ты с хлебом, с хлебом, — подсказывает ему отец и собственным примером показывает ему, как нужно прикусывать хлеб.

Джастин в это время совершает подвиг: берет в рот ложку борща и с трудом проглатывает.

— Вкусно? Вкусно? — нетерпеливо спрашивает у него мама, наливая и нам с папой супа.

— Вкусно? — перевожу я, победно вздергивая бровь. — Или уже хочется бежать в «Макдоналдс»? Ты только не рыдай, — приступаю к еде, — у моих родителей все строго: не съел — из-за стола не выпустят.

- Любовь по обмену -

Джастин растерянно кивает и честно пытается съесть. Мне, конечно, жалко парня, но внутри я торжествую.

— Челси говорила, что у вас в основном едят крем-суп или куриный с лапшой, — замечаю я, — но попробовать борщ было ее мечтой.

— Глупая мечта, — не глядя на меня, ворчит американец.

— Привыкай, — ухмыляюсь, — здесь не будет бургеров и картошки фри. Разве что... арахисовая паста. Но только за хорошее поведение.

— Твоя мама... сама все это приготовила? — после минутной паузы спрашивает он.

— А ты видишь здесь прислугу? — откладывая ложку в сторону. — Конечно, сама.

Челси говорила, что ее мать давно не готовит сама. Все делает проходящая повариха. И еще у них принято добавлять сахар почти во все блюда, даже в супы и салаты. Нелегко придется Джастину, если ему «посчастливилось» здесь задержаться... Кулинарный пыл моей матери не под силу унять никому.

— Оливье. — Мама бухает на плоскую фарфоровую тарелку огромную ложку салата. На свободный край кладет «шубу». — Селедка под шубой.

— У вас это называется «Russian salad», — усмехаюсь я, видя смятение в пронзительных синих глазах американца. — А вот это красное — «шуба».

— Выглядит странно, а пахнет просто ужасно, — признается он вполголоса.

Ему еще крупно повезло, что мои родители его не понимают.

— Ты ешь, ешь, — подбадриваю я. — Тебе понадобятся силы, чтобы пережить русскую зиму.

— Нет уж, спасибо. — Его вилка в нерешительности висит над салатом.

— И не забывай хвалить, маме это важно. Иначе я не скажу тебе, где у нас находятся точки фастфуда.

Бросив на меня злой взгляд, Джастин кладет немного салата в рот. Жует медленно, осторожно, будто липкую ириску во рту перекатывает.

— Вкусно? — спрашивает мама. Если парню понравится, она в самое ближайшее время познакомит его с винегретом, салом и гречкой. Последнюю и вовсе почти никто из американцев в глаза не видывал.

— Йес, — неуверенно кивает Джастин, но после того, как во рту у него оказывается селедка под шубой, выражение лица парня заметно меняется.

— Только попробуй выплюнуть, — предупреждаю я, — глотай, если хочешь жить. Папа такого не простит.

— Может, надо было пельменей сварить? — переживает мама, глядя, как парень силится проглотить непривычный для него продукт.

— Завтра, — улыбаюсь я.

Пусть сегодня сполна вкусит безвыходности своего положения.

— А какие у вас национальные блюда, Джастин? — спрашивает отец.

Парень беспомощно устремляет взгляд на меня. Так уж и быть, переведу ему вопрос:

— Какие национальные блюда в Штатах?

— Э... хм... — На его лице написаны смущение и тяжелый мыслительный процесс одновременно. — Пицца?..

— Пицца — это еда итальянских бедняков, которые запекают с тестом все, что завалялось в холодильнике, — категорично заявляет папа, услышав ответ.

Разумеется, его не волнует, что пиццу давно едят во всем мире. И даже в нашей семье. Оставляю его замечание без перевода, чтобы не травмировать не устоявшуюся нежную психику гостя.

— Бедный мальчик, — качает головой мама. — Он же совсем не знает, как пахнут свежие продукты. Одни

- Любовь по обмену -

сэндвичи там у себя лопают с усилителями вкуса да с консервантами! Ну, ничего, мы его выходим. За полгода станет на человека похож!

Ее решительность всегда меня пугала, но сейчас вызывает улыбку. Такой здоровый бугай, а она его выхаживать собралась.

— Что это? — стонет Джастин, когда мама ставит перед ним тарелку с окрошкой.

И я теряюсь, не знаю, как назвать это блюдо. Может «о, крошка», это же типа «о, baby» или вроде того... Тут же краснею, заметив, как гость разглядывает меня, ожидая ответа.

— Это такой... холодный суп, — тщательно подбираю слова. — Салат, который заправляют...

— Содовой? — Парень зачерпывает ложкой окрошку, нюхает и морщится. — Пивом?

— Это... хлебный напиток, — наконец говорю я, — называется «квас».

Он будто размышляет, стоит ли попробовать, если ему все еще хочется жить.

— Ох уж эти русские... — бормочет, складывая свои пухлые губы утиным клювиком и осторожно пробуя на вкус окрошку. — Почему ж не водкой сразу?

— Ах да, — вспыхиваю я, — пойду наверну водки, накормлю своего ручного медведя, потом надену лапти и сяду играть на балалайке. Так вы о нас думаете, да?

— Слушай, Зоуи, — теперь он даже выглядит виноватым, — я против стереотипов, честно. — Его лицо внезапно озаряется самодовольной ухмылкой. — Но мне нравится, как ты злишься.

— Тогда попробуй вот это, — сама уже не зная, на что злюсь, восклицаю я. Ставлю перед ним прозрачную емкость с холодцом. — Тебе понравится!

Парень хмурится, вглядываясь в содержимое стеклянной мисочки.

— Желе из... мяса? — Его брови ползут вверх. — Ты серьезно, Зоуи?!

— Ну, вы же едите сладкое желе? Это такое же, — поджимаю губы, — только соленое.

Парень, кажется, пятнами скоро пойдет. Ест медленно, почти не дыша, видимо, боится, что его стошнит прямо на стол. Мои родители не отрывают от него глаз, а я кайфую. Подобная пытка сбивает спесь даже с самовлюбленных идиотов.

— А теперь налей Джастину чая, пожалуйста. Да погорячее, — подсказываю маме, когда испытание «русским гостеприимством» подходит к концу.

Не могу удержаться, очень хочется посмотреть на его ошарашенный «фейс». Американцы почти не пьют чай, тем более горячий. По умолчанию в любом кафе вам подадут чай или кофе со льдом. Если только заранее не попросить «no ice».

— А это еще что? — нижняя челюсть гостя медленно отъезжает вниз.

— Чай. Обычно мы пьем его от двух до пяти раз в день. Тебе понравится. Очень согревает, — не могу удержаться от довольной улыбки. — Это ты еще кисель не пробовал. М-м-м, пальчики оближешь! — Поворачиваюсь к маме: — И молочка ему плесни, мамуль.

Никогда еще наши семейные посиделки не проходили так весело.

Джастин

Это было жестоко.

Даже не знаю, Челси так отомстила своим меню «первого ужина» или сами хозяева, но мне сейчас реально дурно. Не может быть, чтобы эти сумасшедшие русские питались так каждый день.

- Любовь по обмену -

Горячий суп, холодный суп. Мерзкого вида рыба с вареными овощами под розовым соусом! Как вспомню тот запах, так все съеденное моментально подкапывает к горлу. А желе из мяса... бр-р-р... Этой гадостью можно пытать людей. Как они вообще это едят? А главное — зачем?

Хотя, надо отдать должное, как бы противно ни выглядела русская еда, на вкус она вовсе не так плоха. Особенно «борт»? «Броч»? «Борщшш»? Если есть его с закрытыми глазами и не вспоминать про свеклу. Я видел этот овощ всего три раза в жизни, один из которых — на картинке в каком-то журнале.

— О, боже мой...

Поднимаюсь по лестнице, захожу в свою новую комнату и падаю на кровать лицом вниз. Белье свежее, пахнет цветами или, может, морозной свежестью. Но меня мутит даже от этого запаха. Отважно сражаюсь с самим собой, стараясь думать о чем-то отвлеченном.

Достаю из кармана мобильный и проверяю почту. Две сотни лайков и дюжина комментариев в духе: «Боже, как тебя туда занесло?», «Джастин, это что, шутка?», «Не завидую», «Крепись, бро».

Челси тоже поставила «лайк» под моим фото. Даже через экран чувствую, как сильно ей хочется меня придушить. Если бы не деньги отца и его дикая ярость, никто бы, конечно, не взял меня в программу вместо сестры. Еще и так быстро, экстренно даже. Мне очень жаль, но Челс сама виновата — сдала меня отцу. Вот и осталась теперь без путешествия, подружки Зоуи и «бортчш».

О нет, нет, нет, нет...

От одного воспоминания о застолье меня прошибает пот. Смахиваю холодные капли со лба, стараюсь дышать глубоко и часто, хватаюсь за живот. Так плохо мне не было, даже когда мы с парнями из команды ре-

шили перекусить мексиканскими чимичангами, тогда я провел в туалете почти двое суток.

Оу, боже мой...

Утыкаюсь лбом в подушку и сглатываю. Во рту столько слюны, что можно затопить всю постель. Это, вообще, нормально? Или я уже умираю? В области живота появляется невыносимая тяжесть, а затем неприятная навязчивая резь. Будто кто-то тычет ножичком в солнечное сплетение, наверное, это Зоуи, мстит мне за что-то. Только вот за что? Открываю гугл-переводчик и ввожу слово «zadnitsa» — так сказала Зоуи, показав на меня пальцем. Не проходит и секунды, как в графе «перевод» отображается слово «zadnitsa». «Черт. Ну а что ты хотел? Нужно писать русскими буквами, а их я не знаю. Попробую спросить завтра у хозяина дома или его жены. Они мне теперь должны. После такого приема еще неизвестно, быстрее я сам отсюда свалю или эти люди прикончат меня своей пищей.

Снова вытираю пот со лба. В голову стучится запоздалая мысль о том, что пора бы пойти разыскать уборную.

Зоя

Переодеваюсь в пижаму — коротенькие шортики, тонкий топ на бретельках — и забираюсь с ногами на постель. Конечно, мне немного стыдно, но только самую малость. Не стоило заставлять его доедать все до конца. Предполагалось, что Челси просто попробует все, о чем так давно мечтала, но видеть смесь ужаса и безвыходности в глазах ее братца — поистине бесценное удовольствие. Это лишь немного компенсирует мою досаду от того, что я лишаюсь возможности поехать в Штаты на будущий год, и все благодаря ему.